

УДК 378.4(470)(091)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг.

Вадим С. Парсамов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия, vparsamov@hse.ru*

Аннотация. В центре внимания автора настоящей статьи – две проблемы: поиски большевистскими лидерами оптимальной для них модели управления российскими университетами в 1917–1921 гг. и противостояние университетских людей вмешательству большевистского правительства в жизнь высшей школы.

Ключевые слова: большевики, университет, профессора, студенты

Для цитирования: Парсамов В.С. Борьба за университет в большевистской России 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 121–146. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

The struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921

Vadim S. Parsamov

*National Research University “Higher School of Economics”,
Moscow, Russia, vparsamov@hse.ru*

Abstract. In the center of the article there are two problems: the search for the Bolshevik leaders of the optimal model for the management of Russian universities in 1917–1921 and the opposition of university people to the intervention of the Bolshevik government in the life of higher education.

Keywords: Bolsheviks, university, professors, students

For citation: Parsamov VS. The struggle for the University in Bolshevik Russia 1917–1921. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):121-46. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-121-146

Хронологически рамки исследования определяются созданием Наркомпроса в ноябре 1917 г. и принятием нового университетского устава 1921 г. Этот период может быть описан как борьба за университет между профессурой и большевистским правительством. Внешняя сторона этой борьбы с точки зрения большевиков неоднократно была описана в отечественной и зарубежной историографии, что избавляет нас от выстраивания хронологической последовательности правительственных указов и мероприятий (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7). Нас же интересует в первую очередь темпоральный аспект, выразившийся в резком размежевании «старого» и «нового» внутри университетской корпорации, когда отношения между этими категориями, утратив характер преемственности, обернулись неразрешимыми противоречиями.

Представляя свою государственную политику как нечто принципиально новое, претендующее на радикальное изменение всего человечества, большевистские лидеры вынуждены были конструировать образы «старого мира» как подлежащего отмене или уничтожению. Поскольку «новое» общество мыслилось как бесклассовое и свободное от эксплуатации человека человеком, то «старое» представлялось как «мир насилия» и лжи. Насилие объявлялось естественным результатом классового деления общества, а ложью назывались буржуазные лозунги свободы и равенства.

С точки зрения большевистских идеологов университеты в условиях классовых противоречий, с одной стороны, испытывали постоянную потребность в реформировании, а с другой, в принципе не могли быть реформированы «в сторону приближения школы к народу, в сторону превращения ее в подлинное орудие просвещения масс» (8 с. 1). Эти слова высокопоставленного чиновника Наркомпроса П.Н. Лепешинского, высказанные на Первом Всероссийском съезде по просвещению, отражают общий для нового правительства взгляд на образовательные реформы как царского, так и Временного правительства. По словам того же Лепешинского, «говорить серьезно о преобразовании школы в дореволюционное время, о постепенном улучшении школьного дела в эпоху ли так называемых “великих реформ” или в какие-нибудь иные прошлые

периоды русской истории – было бы достойно разве лишь того или иного современного Дон-Кихота русской мысли» (8 с. 2).

Таким образом «новая» университетская реформа, предпринимаемая большевиками, мыслилась ими не как продолжение реформирования высшей школы, а как ее *полное обновление*, не имеющее прецедентов в предшествующих эпохах.

Между тем за такого рода заявлениями, являющимися не более, чем идеологическими конструкциями, летом 1918 г. скрывалось всего лишь стремление большевиков взять университеты под свой контроль. Но поскольку новоявленные чиновники Наркомпроса не имели в этом вопросе соответствующего опыта, им невольно приходилось опираться на уже имеющиеся наработки Временного правительства в образовательной сфере. Весной 1918 г. была создана комиссия реформы высшего образования. В нее вошли профессора П.К. Штейнберг, М.Н. Покровский, В.А. Артемьев, М.А. Рейснер, Федоровский, Магировский (9, 10). Рейснер написал «Проект положения о российских университетах», одобренный комиссией.

Проект предусматривал самую широкую автономию и децентрализацию. Новый университет был задуман как совокупность трех свободных ассоциаций: основной, ученой и просветительской, целью которых является «разработка и распространение теоретических и прикладных наук» (11 л. 22). Университет в целом представляет собой полностью автономное учреждение. И хотя он входит в ведомство Наркомпроса, его подчиненность комиссариату ограничивается представлением ежегодных отчетов. Комиссариат со своей стороны финансирует деятельность университетских ассоциаций по представленным ими сметам, но дальнейшее распределение средств осуществляется самими университетами.

Университет имеет коллегиальное управление. Должность ректора «Положением» не предусмотрена. Вместо нее «общее управление и руководство деятельностью университета осуществляется Советом университета (или Советом университетских ассоциаций)» (11 л. 31). Этим «Проектом положения о российских университетах» группа лояльных по отношению к большевикам профессоров стремилась провести в жизнь те тенденции университетской автономии, которые были намечены еще в начале XX в. и утверждены реформами Временного правительства. Но и Временное правительство не шло так далеко в плане университетской автономии, как авторы данного положения. Разрабатывая идеи нового университетского устава летом 1917 г., академик В.И. Вернадский исходил из положения, «что университеты управляются на основах полной академической автономности и прекращают

всякое отношение к ним попечителей учебных округов». В итоге «каждый университет подчинён министру народного просвещения, но управляется на началах полной академической автономии» (12 л. 1–2).

В самом проекте «Общего устава российских государственных университетов», подготовленном в августе 1917 г., прямо говорилось, что «непосредственное управление университетов принадлежит ректору при участии в подлежащих случаях: 1) Совета; 2) правления; 3) собраний и деканов факультетов и 4) проректора» (13 л. 2). Иными словами, университет, по замыслу Временного правительства, сохранял структурное единство и принцип единоначалия, в отличие от первоначального большевистского проекта, превращавшего университет в совокупность свободных ассоциаций с коллегиальным принципом управления.

Однако революционная ситуация в стране обернула университетскую автономию против самих же университетов, обнаружив в их среде острый конфликт поколений, имеющий политическую окраску. Российские университеты, наверное, никогда не находились в таком бедственном положении, как в период своей фактической автономии в 1917–1921 гг. (6 р. 106–142, 7 р. 243–259). Дело было, разумеется, не в автономии как таковой, а в открытости университетов для политической и партийной борьбы. Лидеры кадетской партии, многие из которых были университетскими профессорами, оказавшимися у власти в марте 1917 г., и профессура, сочувствующая кадетам, добившаяся юридической автономии университетов, считали революцию для себя законченной. Однако студенчество и университетская молодежь, настроенные более радикально и сочувствующие левым партиям (эсерам и меньшевикам), продолжали вносить в университеты дух политической борьбы, вылившейся в конфликт поколений между профессорами, с одной стороны, и студенчеством и младшими преподавателями с другой. На момент захвата власти большевиками деятельность университетов фактически была парализована.

Идеи университетской автономии отчасти были скомпрометированы подобного рода поляризацией университета. Но тем не менее в глазах большинства университетских людей они сохраняли свою привлекательность особенно в сравнении с Уставом 1884 г.

Большевики сначала не покушались на университетскую автономию, но не потому, что были с ней согласны, а потому что у них не было готовой схемы управления университетами. Созданный в ноябре 1917 г. Наркомпрос рассматривал ряд альтернативных проектов университетской реформы от их закрытия до сохранения

автономии. Закрытие требовал, в частности, председатель Наркомпроса А.В. Луначарский, а на полной автономии настаивал ректор Московского университета М.А. Мензбир. Однако вопрос был не только в том, что делать с университетами, но и в том, что делать с профессорами и студентами, не признавшими в своем большинстве новую власть. Закрытие университетов автоматически ставило эти социальные группы в положение врагов и фактически парализовало всю образовательную систему в стране. Сохранение автономии открывало возможность для диалога большевистского правительства с университетскими людьми. Поэтому если идея закрытия университетов была оставлена, то вопросы их реформирования могли быть решены только при сотрудничестве большевистского правительства с лояльной по отношению к ней профессуре. Для самой же этой профессуры актуальным оставался дореволюционный опыт противопоставления университетского устава 1884 г. как старого подхода к проблеме взаимоотношения университета и государства, требовавшего подчинения первого последнему, и новой политики Временного правительства, предоставившего университетам широкую автономию. В этой перспективе противопоставления *старого* (царистского) и *нового* (революционного) подходов лояльные к большевикам профессора пытались осуществить реформу высшей школы.

Автономия не была единственной целью университетской реформы. Вторым не менее важным требованием была демократизация университетов и превращение их в открытые для всех учебные заведения. Это в свою очередь ставило вопрос о демократическом контроле за университетской деятельностью. Поэтому «Проект положения», составленный М.А. Рейсером, в целом одобренный комиссией еще до его обнародования, был дополнен в части, посвященной управлению университетом, «народным советом», осуществляющим внешний контроль над деятельностью университетских ассоциаций. В таком виде проект был разослан для предварительного обсуждения заинтересованным лицам.

Одним из первых откликнулся на этот проект К.А. Тимирязев. Его мнение было особенно важным не только в силу его авторитета как выдающегося ученого и профессора, но и как человека, принявшего Октябрьский переворот и поддержавшего большевиков. Кроме того, авторитетность его суждений подкреплялась богатым университетским опытом. Семидесятипятилетний Тимирязев за свою долгую университетскую жизнь испытал на себе действие трех университетских уставов. Он стал студентом, когда действовал еще устав 1835 г. В 1861 г. он был исключен из университета

за участие в студенческих волнениях и отказ от сотрудничества с университетской полицией, предусмотренной этим уставом. Новый либеральный устав 1863 г. не только вернул Тимирязева в университет, но и открыл перед ним возможности плодотворной научной и педагогической деятельности. Аристократ по происхождению, Тимирязев в революционную эпоху начала XX в., как и всегда, занимал крайне демократические позиции, был солидарен со студентами, протестовал, подвергался гонениям и т. д. В 1905 г. он выступал за полную университетскую автономию. В одном из ноябрьских номеров «Русских ведомостей» за 1905 г. появилась его статья «Академические свободы (Мысли вслух старого профессора)», в которой он доказывал и исторически обосновывал благотворность университетской автономии. Ссылаясь на опыт Германии и Англии, Тимирязев утверждал, что «нормальное функционирование» университетов «не мыслимо без применения широкой свободы» (5 с. 17). Пересаженные на русскую почву университеты испытали на себе все трансформации правительственной политики. В относительно либеральные периоды российские университеты, по мнению Тимирязева, еще могли выполнять свои цивилизационные задачи, «но в мрачные периоды торжества каких-нибудь Магницких или Руничей да в смутные эпохи 1848 и 1884 гг. забывались вековые предания и университеты, сохраняя свою внешнюю оболочку, утрачивали свой жизненный нерв – самоуправление» (5 с. 18). При этом автор подчеркивает, что университетское самоуправление не является «самодовлеющей целью». Оно всего лишь средство для «обеспечения одного из коренных и первичных источников свободной мысли – свободы преподавания» (5 с. 18).

Итак, если в 1905 г. Тимирязев видел основную проблему российских университетов в отсутствии самоуправления, то в 1918 г., встав на сторону большевистского правительства, на первый план выдвигает проблему демократизации высшего образования. «Проекту положения», о котором шла речь выше, Тимирязев посвятил отдельную брошюру под названием «Демократическая реформа высшей школы», увидевшую свет незадолго до июльского совещания, на котором этот проект должен был быть принят или отвергнут. «Нашему поколению, – пишет Тимирязев, – выдавшему всякие уставы – хорошие (1863 г.) и скверные (1884 г.), любопытно ознакомиться с основами первого демократического университета» (5 с. 415). Однако уже в следующей фразе автор отмежевывается от своего поколения, точнее от той «известной части нашей “интеллигенции”», в которой «один слух о демократизации университета возбудил, по-видимому, заботу о возможном ее ограничении»

(5 с. 415). К заковыченному слову «интеллигенция» Тимирязев сделал характерное примечание, в котором особый интерес представляет противопоставление этого слова слову «товарищ»: «Должен сознаться, что никогда не произносил я этого фарисейски хвастливого слова иначе как в ироническом смысле, точно так же, как никогда не произносил я слова “товарищ” в том зубоскальском, злопыхательном смысле, как это считается признаком хорошего тона в тех же “интеллигентских” кругах» (5 с. 415). Новый университет ассоциируется для Тимирязева не с его поколением старых интеллигентов, хранящих университетские традиции, а с новым социопсихологическим феноменом «товарищ», окрашенном в тона революционного бандитизма. Для самого Тимирязева речь, разумеется, идет не о признании «бандитизма» и «погромов», которые уже обрушились на университеты и все прочие учреждения старого режима, а об «интеллигентской» самокритике и стремлении увидеть в новых веяниях благотворные признаки демократизации культуры. Поэтому, если нужно, он готов пожертвовать университетским самоуправлением ради университетской демократии. Если раньше в качестве примера университетской автономии, которому должны следовать российские университеты, Тимирязев приводил Германию и Англию, то теперь европейский прообраз «Народного совета» он склонен усматривать в швейцарских университетах, «где кантональные депутаты могут, например, присутствовать на экзаменах», и «самые демократические члены кантональных советов (крестьяне) ревниво охраняют свое право контроля (особенно бюджетной части) своих университетов» (5 с. 420).

Позиция Тимирязева интересна прежде всего своей нетипичностью, которая не в последнюю очередь объясняется его многолетним жизненным опытом. Глубоко демократическая идея всеобщей доступности образования, на которой воспитывалось не одно поколение российской интеллигенции, предстала перед ним как обретение смысла всей его предшествующей жизни в науке и в университете. Всю жизнь он боролся против всевозможных ограничений, накладываемых на высшее образование и профессиональную деятельность университетских людей. При этом он никогда не обвинял только лишь власти в ущемлении и ограничении университетских прав и свобод. С себя и со своего поколения он не снимал ответственности за происходящее в университетах, которые к концу жизни называл «кучей мусора». Когда он увидел, что «товарищи» в плане демократизации образования готовы идти дальше, чем его университетские коллеги («интеллигенты») для него уже не было вопроса, чем все это обернется на практике. Он

приветствовал Ленина и большевиков в надежде на воплощение идеалов всей своей жизни. Это была оптимистическая позиция человека, лишённого будущего.

Среднее поколение профессоров было настроено гораздо менее оптимистично. Оно разделилось на три группы. Одни из них пошли на службу новой власти, заняли места в Наркомпросе и других официальных ведомствах. Эти люди хорошо были осведомлены в происходящем и свою профессиональную карьеру строили по правилам новой власти. В тот короткий период с конца 1817 до середины 1818 г., когда большевистское правительство еще не выработало окончательно свою политику относительно университетов, они пытались сформулировать ее сами и предложить властям в качестве официальной программы. Когда же большевики нашли «единственно правильное» решение, эта группа профессоров без возражений стала воплощать данное решение в жизнь.

При активном содействии этих профессоров Наркомпросу не только удалось разработать «Проект положения о российских университетах», но и провести в 1918 г. ряд совещаний по вопросам высшего образования. В апреле состоялся съезд по образованию комиссаров Московской области. Выступая на нем, Луначарский заявил, что снисхождения к университетам не будет, мотивируя это тем, что «университет, каким он был до сих пор, как учёное учреждение не существует, университет – это “фабрика дипломов”, необходимых для карьеры воспитывающихся в них будущих государственных чиновников». Новому государству нужны не люди с университетским образованием, а «техники, педагоги, доктора и др. специалисты». Если университеты и будут сохранены, то они прежде всего будут учеными учреждениями, доступными пролетариату, в которых лица будут отдавать науке все свои силы и работать для развития ее» (14 с. 12). Из этой речи ясно было только то, что никакой определенной программы, касающейся университетов, у большевиков в то время еще не было. Скорее всего, именно после этого съезда и была образована комиссия по реформе высшего образования. Подготовленный ею «Проект положения о российских университетах» обсуждался на совещании по реформе высшей школы, проходившем в Москве с 8 по 18 июля 1918 г. (11 л. 2). На совещании присутствовало около 400 профессоров, преподавателей и студентов. Сама идея автономии университетов еще не отвергалась окончательно. Вопрос заключался в последовательности этапов: сначала автономия, а затем уже реформа, или же наоборот, реформа должна предшествовать автономии. Позиция Наркомпроса, сформулированная народным

комиссаром Луначарским, была вполне определенной: «Нам говорят: предоставьте школе самой себя реформировать. На это мы отвечаем вполне сознательно и определенно: нет, мы вам этого не предоставим, так как старая школа не может сама переродиться в новые формы» (15 с. 127).

О том, как именно должны быть реформированы университеты, депутаты услышали от заместителя наркома профессора М.Н. Покровского. Среди двенадцати тезисов, содержащихся в его докладе, последнее место было отведено автономии, которая в связи с предыдущими одиннадцатью воспринималась как насмешка. «Автономные» в будущем университеты были лишены права вводить плату за обучение, обязаны были замещать кафедры исключительно на конкурсной основе, при этом профессора могли быть избраны только на краткий срок, студенты *обязательно* должны участвовать в управлении университетом, во всех вузах вводились факультеты общественных наук вместо юридического и филологического. Даже учебные планы должны были быть пересмотрены «в связи с происшедшими политическими переменами». Естественным образом напрашивался вопрос, причем здесь автономия, провозглашенная в 12-м пункте? Покровский не скрыл от участников совещания, что выдвигаемые им тезисы заимствованы «почти целиком» из университетского устава 1863 г. Это была прямая отсылка к только что вышедшей брошюре Тимирязева, где, как уже было отмечено, противопоставлялись «хорошие» уставы 1863 г. «скверным» уставам 1884 г. Апеллируя к старейшему университетскому уставу как источнику современной реформы, Покровский намеренно вычеркивал весь опыт реформирования университетов Временным правительством. В противном случае ему пришлось бы ставить университетскую автономию не на последнее место, а исходить из нее и передать дело реформы в сами университеты. Случайно ли проговорился большевистский историк, или же это было тактическим приемом? Покровский понимал, что большая часть его слушателей – профессора среднего возраста. Годы их учебы и начало преподавательской деятельности пришлись на период наибольшего ущемления университетских прав, определенное «скверным» уставом. Поэтому они естественным образом идеализировали устав периода Великих реформ. Что касается преобразований в этой сфере Временного правительства, то сопровождающая их разруха, вызванная войной и революцией, не давала возможности осознать в полной мере степень эффективности университетской автономии. Иными словами, если на признании прогрессивности устава 1863 г. сходились почти все, то университетская политика

Временного правительства, не успевшего ввести в действие новый университетский устав, получала противоречивые оценки. Поэтому апелляция Покровского к либеральному уставу 1863 г. должна была произвести в либеральной и умеренно консервативной профессорской аудитории положительный эффект, что и случилось, по воспоминаниям участника совещания А.М. Залесского. Первым Покровского поддержал профессор Н.Я. Марр, заявив, что «основные тезисы реформы... давно уже сформулированы почти в таком же виде лучшими представителями высшей школы» (15 с. 130). Его речь, по воспоминаниям очевидца, «прерывалась аплодисментами всего собрания, не исключая и членов президиума» (15 с. 130). Тем не менее вопрос об автономии продолжал обсуждаться и далее, причем активное участие в нем приняло студенчество, которое более последовательно, чем старшее поколение, отстаивало университетские свободы и требовало «передать дело реформы высшей школы в руки самой школы» (15 с. 130). Луначарский, пытаясь столкнуть между собой два университетских поколения, ответил на студенческие требования самоуправления следующей репликой: «Вы говорите, что мы хотим отнять у вас автономию, а затем дать ее снова, а мы говорим, что мы хотим отнять привилегии у профессорской корпорации, которая хочет *одна* (курсив мой. – В. П.) реформировать высшую школу» (15 с. 130).

Но и само студенчество не было единым. Наиболее политизированные московские студенты, состоящие в партиях эсеров и меньшевиков, подозревая большевиков в политическом мошенничестве, устроили на совещании «политическую демонстрацию, заявив, что реформа должна быть проведена через Учредительное собрание» (15 с. 127). Другая, менее радикальная часть, настаивала на сохранении за университетами принципов самоуправления, говорила о «недопустимости вмешательства власти в жизнь высшей школы и настаивала на необходимости сохранения в высшей школе существующего порядка» (15 с. 127). Фактически речь шла о сохранении принципов самоуправления, провозглашенных Временным правительством. Третья группа, представленная петроградским студенчеством и поддержанная представителями региональных вузов, была настроена на поиск компромисса между оппозиционным студенчеством и президиумом. «В результате было принято решение заявить от имени студенчества, что оно поддерживает необходимость реформы, которая должна быть произведена с участием представителей высшей школы, считает необходимой автономию высшей школы и признает за государственной властью право требовать от высшей школы только отчета в расходовании денежных средств» (15 с. 127).

Залесский отмечает важную деталь: «Между представителями студенчества и профессурой на совещании не образовалось живой связи. Хотя профессура приглашала представителей студенчества на свои совещания, но последние чувствовали, что их интересы в настоящий момент достаточно далеки профессуре, в значительной части занятой собственными интересами и боявшейся, что реформа может их затронуть» (15 с. 127). Принципы университетской автономии на совещании наиболее последовательно отстаивались младшим поколением, студенчеством, которое готово было ради них даже отказаться от бесплатного обучения. Профессура же заняла менее бескорыстную позицию, поставив во главу угла обсуждение сроков избрания по конкурсу. Пятилетний срок, предусмотренный Положением, казался слишком мал. Были предложения увеличить его до 10–20 лет. Луначарский прекратил эти разговоры, указав «на то, что, протестуя против краткого срока выборности профессуры, последняя защищает науку от самой себя» (15 с. 131).

Профессора столичных вузов оспаривали необходимость профессиональной мобильности, предполагающую обязательность «обмена профессурой между столицей и провинцией». Эти были поддержано и студентами, предложившими заменить профессорскую мобильность студенческой, т. е. речь шла о «предоставлении студентам права слушать лекции и работать в любом университете, как это практикуется в Германии» (15 с. 131).

Профессура настаивала не только на увеличении сроков избрания по конкурсу, но и на ограничении студенческого участия в коллегиальном управлении. Они готовы были предоставить студентам право решающего голоса «по всем вопросам, за исключением вопросов о выборе профессоров и присуждении ученых степеней». Радикально настроенная социалистическая часть студенчества требовала для себя права «отвода профессоров, которых они считают не отвечающими своему назначению». Но более лояльная правая часть студентов «совершенно отказалась от всякого участия в органах управления и от права отвода профессоров». В итоге победили левые студенты: «В принятой резолюции за студентами было признано право участия в органах управления университетами с решающим голосом по всем вопросам, кроме выбора профессоров и присуждения ученых степеней, но с правом отвода профессоров» (15 с. 131).

Ни к каким конкретным результатам Совещание не привело. Главный вопрос об автономии остался в том виде, в каком он был предложен для обсуждения: сначала реформы, потом автономия. Полностью это не устраивало никого: ни профессоров, которые не

получили никаких гарантий своего профессионального статуса, ни студентов, радеющих за будущее российских вузов, ни большевистских лидеров, не желающих в принципе иметь в стране автономные вузы.

«Проект положения» не был ни принят, ни отвергнут. Решено было его доработать и провести новое совещание в более узком составе. Однако оптимистическая перспектива диалога Наркомпроса с профессурой, о которой Луначарский говорил в конце совещания, оказалась иллюзией. Известие о екатеринбургском расстреле Николая II, восстание ижевских и воткинских рабочих, падение советской власти во многих городах восточного и юго-восточного региона в результате действий чехословацкого корпуса, наступление Деникина и т. д. – все это создавало очередную иллюзию о близком падении большевистского режима. В этих условиях профессора не спешили продолжать наметившееся в выступлении Марра сотрудничество с Наркомпросом. Новое совещание собрано не было. Вместо него с 25 августа по 4 сентября 1918 г. в Москве проходил съезд по просвещению. Вопрос о высшей школе был одним из основных. Доклады по нему делали первые лица большевистского правительства, включая Ленина. Луначарский свою речь начал с упрека профессоров в нежелании реформировать университеты: «Они заявляют, что университет есть то, чем он был, и никаких реформ быть не должно». В этом нежелании оратор увидел политическую неблагонадежность, проявление которой он связал «с некоторыми нашими неудачами на восточном фронте и с некоторыми перспективами относительно Николая Романова» (14 с. 12). От обвинений нарком перешел непосредственно к угрозам: «Это объявление войны будет принято нами, и если профессора думают, что забаррикадовавшись в своей автономии, они властны приказать – “стой, не трогай наш круг, русская революция!” , то они ошибаются» (14 с. 12).

В выступлении Ленина по широкому кругу вопросов, связанных с общим положением в стране и в области образования, в частности, были окончательно расставлены все точки. Пролетарский вождь, по словам Покровского, «не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях» (16 с. 5). Громя «саботажную интеллигенцию», под которой понимались профессора и учителя, пытающиеся отстоять свое профессиональное достоинство, Ленин заявил: «...чем более культурно было буржуазное господство, тем более утонченно оно глало, утверждая, что школа может стоять вне политики и служить обществу в целом. На самом деле школа была целиком превращена в орудие классового господства буржу-

азии, она была вся проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью дать капиталистам услужливых холопов и толковых рабочих. ...Мы говорим: наше дело в области школьной есть та же борьба за свержение буржуазии, мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие» (17 с. 40–42).

На этом вопрос об автономии российских университетов был закрыт окончательно. Непосредственно о новом подходе к реформированию университетов говорил М.Н. Покровский. Как и Луначарский, Покровский всю вину за промедление с университетской реформой переложил на профессоров, на их нежелание сотрудничать с новой властью. Он обрушился на бюрократизм российских университетов («Университеты царской России были чисто бюрократическими учреждениями. Профессора – чиновники с титулами, лентами, орденами» (18 с. 17), их оторванность от «народной массы» и т. д. Одним из принципиальных вопросов, поднятых в выступлении Покровского, была смена поколений в университетской корпорации: «Университетская карьера была чиновнической карьерой. Она зависела от произвола начальства. Профессора имели право оставлять при университете “для приготовления к профессорскому званию”. Затем будущего профессора засаживали за учебу. Я не знаю ни одного талантливого студента, который, занимаясь подготовкой к магистерскому экзамену, временно не оступел бы. При этой подготовке работала только одна память. Человек, у которого есть стремление к творчеству, не находя пищи для удовлетворения этой потребности, прямо изнемогал, поглощая сотни книг, затем профессором давалась тема диссертации. Но это не всегда встречалось одобрительно профессорами. После написания диссертации и присуждения степени магистрат становился аспирантом на кафедру, кандидатом в преподаватели. Для того чтобы получить кафедру, ему необходимо было начать хождение по профессорам, чтобы заручиться их согласием. После всех этих мытарств в достаточной степени измученный, потрепанный жизнью, всходил на кафедру *сорокалетний* (курсив мой. – В. П.) “молодой” ученый. Конечно, при этих условиях способствовать развитию науки он не мог. Самое лучшее время для профессорской деятельности от 30–45 лет – но это время уходило на делание академической карьеры» (18, с. 17).

Вся критическая часть выступления Покровского не была оригинальной. Он лишь воспроизводил ту критику, которую постоянно высказывали дореволюционные профессора в адрес собственной корпорации. Но если они были кровно заинтересованы в позитивном изменении ситуации, то высокопоставленный

чиновник Наркомпроса демагогической риторикой стремился подменить современные проблемы высшей школы, порожденные революционной разрухой, проблемами вчерашнего дня, во многом уже утратившими актуальность.

Русский профессор 1918 года – это не чиновник, украшенный «титулами, лентами, орденами», важно принимающий магистерский экзамен, а человек, влачащий полуголодное существование, не имеющий возможности прокормить свою семью, стоящий в очередях за скудным профессорским пайком без всякой уверенности его получить, одетый в поношенные вещи, зимой мерзнувший дома и в университетской аудитории, находящийся под подозрением у новой власти и постоянно ожидающий ареста. Вопросы академической жизни были отодвинуты на задний план вопросами физического выживания. В условиях голода, разрухи и террора смерть университетских преподавателей, как, впрочем, и представителей других профессий, в результате болезней, убийств и самоубийств стала почти бытовым явлением (19 с. 131–132).

Даже в этих тяжелых условиях профессора пытались отстаивать университетскую автономию. Они писали письма в Наркомпрос, в которых доказывали, что «привнесение классовых интересов может иметь пагубное влияние на общий ход университетской жизни» (20 л. 1). Луначарский назвал эти письма «объявлением войны», хотя речь шла как раз об обратном – о недопустимости политической борьбы в университетских стенах. Наиболее последовательно эту позицию отстаивали профессора Московского Высшего технического училища (МВТУ) (3 с. 3–39). Это училище испытывало на себе большее давление со стороны власти, чем другие вузы, в силу того, что большевики больше всего нуждались в инженерных профессиях и уделяли первоочередное внимание именно техническому образованию.

Записав профессоров в число саботажников и контрреволюционеров, большевики начали революционную перестройку вузов. Главным лозунгом стала демократизация высшего образования, понимаемого как формальное равенство. Отмена специальным указом всех ученых степеней и званий проблемы не решала, так как фактическая иерархия, отражающая опыт, знания и профессиональные навыки преподавателей, сохранилась. Более весомым стал указ, открывший двери в вуз для всех желающих в буквальном смысле этого слова. Единственным ограничением стала нижняя возрастная граница – 16 лет. Декрет Совета Народных Комиссаров о правилах приема в высшие учебные заведения от 6 августа 1918 г. гласил: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола,

достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы». При этом специально оговаривалось, что «воспрещается требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте» (21 с. 56–57). О том, какие последствия имел этот декрет, хорошо известно из мемуарных свидетельств. Например, В.Д. Зёрнов вспоминал: «В 1918 г. было объявлено, что двери университета открыты для всех трудящихся. Когда я вышел на первую лекцию, аудитория была переполнена самой разнообразной публикой, которая, конечно, и не могла, и не думала всерьез учиться в университете. Мне буквально в громадной аудитории негде было повернуться. Были заняты не только все места и все хоры, но все проходы были забиты народом. Слушатели стояли прямо перед лекционным столом и едва ли не сидели на самом столе. Об лекционных экспериментах в такой обстановке нельзя было и думать. Но наплыв публики быстро таял, и к зиме, как я уже писал, университет замерз, и лекции читались двум-трем десяткам настоящих студентов в кабинете» (22).

В университет, вероятно, из любопытства шли люди, порой не умеющие читать и писать. Разумеется, подобный контингент не мог там задержаться надолго. Но для большевиков необходимо было, сохранив высшую школу, наполнить ее лояльным себе элементом. Поскольку профессура достаточно сплоченно решила отстаивать свою независимость, и перипетии гражданской войны позволяли питать некоторые надежды, то единственным способом подчинить себе университеты было изменение студенческого корпуса (23, 24, 25, 26).

Студенчество – наиболее мобильный и быстро сменяющийся элемент университетской жизни. Смена поколений здесь происходит значительно быстрее, чем в профессорском корпусе. В условиях политической стабильности внутри студенческих корпораций складываются традиции и существует преемственность. Еще в XIX в. сложился треугольник: студенчество – профессура – государство. Когда мы говорим о взаимоотношениях государства и университета, необходимо учитывать, что здесь подразумевается два разных вида отношений: «профессора – государство» и «студенчество – государство». Разумеется, эти отношения не существуют и не могут существовать изолированно. Они неизбежно предполагают еще и отношение «профессора – студенты». Последний вид отношений имеет во многом, хотя и не исчерпывается этим, поколенческий характер. Студенты относятся к профессорам

как взрослеющие дети к своим родителям. Здесь присутствует и юношеский негативизм, и самоуверенность. Профессорам нередко даются смешные прозвища, их считают отсталыми от жизни. Рассеянный профессор, плохо ориентирующийся в современном мире, – типичная фигура студенческого фольклора. Конфликты, разъедающие университетскую корпорацию изнутри, нередко протекают на политической почве. Студенческая среда чаще всего оппозиционна и готова обвинять своих профессоров в политической реакционности и сотрудничестве с властями. С другой стороны, политический радикализм студентов, особенно в переломные эпохи, может внушать опасения профессорам. Однако эти конфликты имеют, как правило, внутренний характер и проявляются, с одной стороны, в бойкотировании лекций «одиозных» профессоров, с другой – в досрочной эксматрикуляции студентов по негативным основаниям. Но ни одна из конфликтующих сторон не заинтересована во вмешательстве государства в их конфликт.

Вместе с тем студенты очень тесно связаны с профессорами в учебной, научной и нередко повседневной жизни. Они во многом зависят от своих наставников и испытывают к ним чувства любви и благодарности. Рядом с нелюбимыми профессорами всегда существует фигура любимейшего профессора, отца, являющегося для своих питомцев демиургом науки, эталоном личной порядочности и предметом для подражания. Такие отношения между поколениями нередко выходят за пределы университетских аудиторий, и перед студентами открываются двери профессорского дома, они становятся частью повседневного быта своего наставника, и в этом случае понятие «университетская семья» перестает быть метафорой. Именно этот тип отношений лучше всего обеспечивает преемственность поколений и сохранение университетских традиций.

В революционный период между февралем и ноябрем 1917 г. внутри университета студенчество и профессора нередко были разделены политическими убеждениями. Поскольку кадетская партия (фактически партия профессоров) уже в феврале оказалась у власти, и университеты получили полную автономию плюс перспективный план развития в виде открытия множества новых высших учебных заведений, то позиция профессорского корпуса окрасилась в тона консерватизма. Радикальное студенчество не довольствовалось уже достигнутой автономией и превращало университеты в арену политической борьбы. Объединяло университетские поколения, пожалуй, только отсутствие сочувствия большевикам и уже после октябрьского переворота надежды на Учредительное собрание, которое подтвердит университетские права и свободы,

сочетая их с политическими правами и свободами в стране. Разгон Учредительного собрания и узурпация власти большевистскими лидерами естественным образом сплотили университетскую корпорацию. Студенты, которые вплоть до Октябрьского переворота образовывали наиболее радикальную среду, уже в 1918 г. оказались «справа» от большевистской власти и были отнесены ею к старому, разрушаемому ими до основания, «миру насилия». Отказ от признания «новой морали» повернул студенчество в сторону консервации традиционных для российских университетов ценностей. На этой почве студенты и профессора (за исключением тех, кто уже с первых дней перешел на службу к большевикам) объединились.

Большевики способствовали этому не только в негативном, но и в позитивном плане. В надежде привлечь на свою сторону студенчество ими и был выпущен декрет от 6 августа 1918 г., о котором шла речь выше. Следующим шагом стал декрет от 18 ноября 1918 г., вводивший студентов в состав правления университетом. Но поскольку проект заполнить университетские аудитории лояльными невеждами провалился, то в правлении университета оказались не те «студенты», которых хотели бы видеть большевики, а те, кому действительно были небезразличны судьбы университетов. Поэтому, пишет бывший студент С.П. Жаба, «большинство профессуры искренно приветствовало студенческих представителей в органах В. У. З., видя в них союзников по отстаиванию В. Школы» (24 с. 12). Дальнейшее противостояние большевикам еще больше сплотило студенчество и профессуру: «Отношения между петроградскими профессурой и студенчеством, сложившиеся на основах равноправного сотрудничества, достигли такой степени теплоты, дружественности и взаимного понимания, о каких прежде не приходилось и мечтать» (24 с. 54). Причем студенты в вопросе об автономии университета нередко занимали более последовательную позицию, чем профессора, и их голоса в университетском правлении нередко имели решающее значение.

Гражданская война, отвлекая внимание большевиков, не давала возможности им вплотную заняться университетами (27 р. 12). Поэтому фактически университеты, влачившие жалкое существование, но все-таки продолжающие занятия, пользовались автономией. Но как только военная напряженность начала спадать, большевики вновь взялись за высшую школу. Потерпев неудачу с проектом «открытого» для всех желающих университета, они придумали идею рабочих факультетов, где за два года пролетарий, не получивший никакого образования, мог бы пройти необходимую для обучения в университете подготовку.

17 сентября 1920 г. был обнародован Декрет Совнаркома о рабочих факультетах, первая статья которого заявляла: «Основной задачей рабочих факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы» (28 с. 576). В первоначальной редакции декрета эта статья имела продолжение: «...и коренное перерождение последней в полном соответствии с потребностями пролетарского государства» (20 л. 73). Как именно совершится «коренное перерождение» высшей школы, пояснил Покровский, открыв заседание временного президиума Московского государственного университета 13 ноября 1920 г. Вдохновленный победой в Гражданской войне, глава Государственного ученого совета заявил о «необходимости коренным образом реформировать университет по примеру Красной армии, т. е. используя все, что есть лучшего в старой высшей школе, построить новую». И при этом добавил: «И прежде всего покончить с так называемой автономией университета, которая представляет собою не что иное, как идеологический пережиток средневековья с его цеховым строем» (20 л. 218).

Если положение о ликвидации автономии не нуждается в комментариях, то что имел в виду Покровский под «лучшим в старой школе», необходимо пояснить. Еще два года назад, громя дореволюционные университеты, Покровский и словом не обмолвился, что в них было что-то «лучшее». С Красной армией, в общем, было все понятно. Создавая ее, Троцкий использовал опыт и знания профессиональных военных (военспецов). Оставаясь классово чуждыми пролетарскому государству, они добровольно или вынуждено воевали за его интересы. Покровский явно подразумевал аналогию между военными специалистами, мобилизованными в Красную армию, и профессорами, которых необходимо было заставить служить новому правительству. Аналогия эта будет еще очевиднее, если учесть, что Наркомпрос 21 сентября 1918 г. принял постановление «О направлении правительственных комиссаров в высшие учебные заведения» (28 с. 79). Университетский комиссар при профессуре должен был выполнять функции, аналогичные функциям комиссара Красной армии. Он имел право блокировать любые распоряжения ректоров и деканов как противоречащие политике большевистского правительства. Комиссарский надзор вызывал возмущение не только университетского руководства, но и студенчества. По воспоминаниям С.П. Жабы, «борьба с вмешательством комиссаров в дела В. Школы то и дело сопровождалась резкими конфликтами, на шумных сходках молодежь заглушала речи коммунистов бурными криками, возмещая, по мере сил, отсутствие старых ораторов» (15 с. 39).

Борьба против политики Наркомпроса не только объединяла студенчество с профессурой, но и формировала ощущение кровной связи с национальной историей. Жаба отмечал, что «горячая любовь к В. Школе и верность демократическим идеалам поддерживали петроградское студенчество в этой борьбе. Чувство глубокой привязанности к своей *Almae Matri* неизменно его воодушевляло. Никогда, в дореволюционные годы, студенчество не ощущало с такой силой свою связь с очагами русской культуры, свою ответственность за их судьбы» (24 с. 54–55). По решению Центрального общестуденческого комитета «отмечены были: день смерти Льва Толстого, Н.К. Михайловского, день восстания декабристов, 5-го и 9-го января, 1 марта и т. д.» (24 с. 26). Эти мероприятия были открытым вызовом большевикам и одновременно подчеркиванием собственной преемственности от старшего поколения революционного студенчества.

В июне 1919 г. делегация петроградского студенчества была принята в Москве Покровским, который вполне откровенно заявил, что правительство не заинтересовано в сохранении самостоятельно мыслящего и организованного студенчества. «На возражение делегатов, что приспособляются к советской власти лишь те круги студенчества, которые и в дореволюционные годы подлаживались к правительству, последовал классический ответ: “Мы знаем и приветствуем это явление. Наш главный враг – студенчество революционно-демократическое”» (24 с. 20).

Большевики начинали с чистого листа. Историческое время должно было быть запущено заново. Если их оппоненты искали себе опоры и черпали аргументы в опыте предшествующих поколений, то взоры большевистских лидеров были обращены в будущее. Им нужны были студенты, лишённые исторической памяти и ощущения собственной солидарности с предшествующими поколениями. Эту задачу и должны были выполнить рабфаки. Случайным образом анаграммированное в этой аббревиатуре слово «фабрика» не только отсылало к фабричному происхождению рабфаковца, но и как бы намекало на *фабрикацию* нового типа студента, не имеющего связей со старшим и враждебно настроенного к современному поколению студентов.

Видимо, с целью расчистить место для «нового студенчества» в начале 1920/21 уч. г. в университетах были произведены массовые аресты студентов (24 с. 36). И почти сразу начался наплыв «новых студентов» в вузы (24 с. 42–43). На студенческие скамьи в основном садились уже зрелые люди, за плечами которых были Первая мировая и Гражданская войны. Возникло противопоставление

«новое студенчество» – «старое студенчество». При этом «новое», оно же «красное» или «пролетарское», студенчество по возрасту, как правило, было старше «старого», поступавшего сразу по окончании средних учебных заведений. Различие было не только возрастным и социальным, но и культурным, что прежде всего бросалось в глаза. М.Б. Рабинович, поступивший на факультет общественных наук в 1923 г., вспоминал: «Толпа очень разная и по возрасту и по одежде. Еще встречаются студенческие тужурки, фуражки, но уже все больше косовороток, толстовок и другой “партикулярной” одежды. Постепенно, с начала 20-х годов, меняется облик студенчества. Все чаще поступают в университет новые студенты, у которых социальное положение преобладало над знаниями, образованием, культурой. Новое “пролетарское студенчество” становилось силой, оно оттесняло и вытесняло старое, меняло прежние традиции и нравы...» (29).

С одной стороны, рабфаковцы воспринимались как чужеродный элемент в университетской среде, едва ли не как вандалы, разрушающие принципы и традиции университетской жизни. Но с другой стороны, они отнюдь не представляли собой однородную массу, безусловно преданную советской власти. Последнее обстоятельство способствовало попыткам наиболее активной части «старого» студенчества привлечь рабфаковцев на свою сторону.

«Отрицательные стороны рабфакистов били в глаза, – вспоминает С.П. Жаба. – Но в то же время, было известно, что в среде их, беспартийной в своем большинстве, назревает сильное недовольство навязанной им ролью. Связанные крутой дисциплиной, слушатели рабфаков не решались протестовать открыто, и духовное освобождение их могло произойти лишь постепенно, при большем сближении со студенчеством основных факультетов, под его постоянным воздействием» (24).

Борьба за рабфаки была проиграна «старым» студенчеством. Причин здесь было несколько. Во-первых, стремительное сокращение количества «старого» студенчества, которого оказалось просто недостаточно для ассимиляции все возрастающего потока рабфаковцев. Во-вторых, если недовольство последних советской властью объяснялось в основном тяжелым материальным положением и строгой «учебной повинностью», то между пролетарским студенчеством и старой профессурой лежала культурная пропасть, препятствующая взаимопониманию. Уже к 1921 г. профессура, продолжавшая борьбу за университетские свободы, потеряла поддержку в лице «нового студенчества», для которого сами идеи университетской автономии мало что значили, если вообще были приемлемы. Самим фактом своего существования они были обя-

заны советской власти и стали одним из важнейших путей ее проникновения в университеты. Это хорошо показала борьба вокруг нового университетского устава, развернувшаяся в 1921/22 учебном году. Профессура ряда крупнейших вузов Москвы, Петрограда и Казани объявила забастовку, в которой смешивались требования политического и экономического характера. Экономический аспект должен был, по мнению профессоров, привлечь на их сторону рабфаковцев, которые не имели политических разногласий с властью. Однако студенчество, уже почти наполовину ставшее рабоче-крестьянским, отказалось участвовать в забастовках и потребовало возобновления занятий (30 с. 173–176). Внутри самой профессуры не было единства взглядов и на университетскую автономию. Идеи в автономии в новых политических условиях столкнулись с идеологией науки (31), т. е. с представлением о том, что автономия имеет подчиненный по отношению к научной деятельности характер. Ее отсутствие не должно и не может служить поводом для прекращения научной деятельности. С первых лет существования советской власти стал формироваться тип ученого, не разделяющего большевистскую идеологию, но стремящегося продолжать свою деятельность в интересах общества.

Противопоставление «старого» и «нового» в образовательной политике большевиков носило в первую очередь идеологический характер и не затрагивало проблему возрастов. Это, собственно говоря, и было одним из новшеств, внесенных большевиками в университетскую жизнь. Большевики взорвали естественный процесс возрастной смены, сопровождающей университетского человека от студенческой скамьи к профессорской кафедре. Текущий синхронно с возрастным старением процесс интеграции молодежи в университетскую корпорацию был разрушен искусственной дезинтеграцией самой университетской корпорации. В возрастном отношении «обновленный университет» представлял собой хаос, порожденный смешением идеологических и темпоральных категорий. Для замещения административной должности требовались не знания и опыт, а прежде всего лояльность к новой власти. Нередко эти должности замещались молодыми преподавателями или «пролетарскими» студентами. Нередко присылались партийные функционеры, весьма отдаленно представляющие себе, что такое университет. Но университетское пространство оказалось сильнее большевистских экспериментов, и со временем возрастная логика поколений была восстановлена. Уже в 1930-е гг., когда начался процесс реставрации университетского образования, появилась «своя» старая профессура, а студентам, удаленным от управления

университетом, было отведено место подрастающей смены. Восстановление научных степеней и званий и образование ВАК в 1934 г. ввело неофициальные, но тем не менее довольно ощутимые возрастные «нормы» для защит кандидатских и докторских диссертаций и получения званий доцента и профессора. Причем «нормы» постепенно росли вместе с возрастом руководителей государства. Стабильность политической системы требовала плавной смены университетских поколений.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The article was prepared as part of the research under the Program of Fundamental Research of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE) and using subsidies in the framework of state support for the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

Литература

---

1. *Кривоноженко А.Ф.* Некоторые проблемы становления советской высшей школы: опыт Петроградского университета // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 1961. № 5. С. 51–55.
2. *Оскоков К.В.* Химические факультеты и кафедры университетов России в первые годы советской власти // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 1986. № 2. С. 82–99.
3. *Смирнова Т.М.* История разработки и проведения в жизнь первого устава высшей школы // Государственное руководство высшей школы в дореволюционной России и в СССР: Сб. статей / Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: Тип. Главархива СССР, 1979. С. 3–39.
4. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1973. 472 с.
5. *Тимирязев К.А.* Наука и демократия: Сб. статей 1904–1919 гг. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. 500 с.
6. *David-Fox M.* The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia // East/West Education, 1997. № 2. P. 106–142.
7. *Fitzpatrick Sh.* Professors and Soviet Power // Fitzpatrick Sh. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. New York: Cornell Univ. Press, 1992. XXI, 264 с. (Studies in Soviet history and society).

8. *Лепешинский П.Н., Познер В.М.* Доклады, прочитанные на пленарном заседании 28 августа 1918 г. 1-й Всероссийский съезд по просвещению. Единая трудовая школа. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по Просвещению, 1918. 12 с.
9. Известия ВЦИК. 1918. № 71 (335). 11 апр. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Д. 157.
10. Известия ВЦИК. 1918. № 94 (358). 14 мая.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 18. Д. 678.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 226. Ед. хр. 210.
13. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 3. Д. 242.
14. *Луначарский А.В.* Выступление на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919. С. 30–47.
15. *Залесский А.М.* Совещание по реформе высшей школы в июле 1918 г. В Москве: Воспоминания делегата // Труды Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина. № 190. Л., 1957. 146 с.
16. *Покровский М.Н.* Ленин и высшая школа. Л.: ГИЗ, 1924. 10 с.
17. *Ленин В.И.* Речь на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919.
18. *Покровский Н.М.* Речь на 1-м Всероссийском съезде по просвещению // Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Комиссариатом по просвещению в Москве 25 августа 1918 г. М.: Отдел съездов Народного комиссариата по просвещению, 1919.
19. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М.: Московский рабочий; Терра, 1992. 303 с.
20. ГАРФ. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1.
21. Декрет Совета Народных Комиссаров о правилах приема в высшие учебные заведения // Сб. декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М.: Госиздат, 1921. С. 56–57.
22. *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента. М.: Индик, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/366585-zapiski-russkogo-intelligenta.html> (дата обращения 23.05.2018).
23. *Дмитриев А.Н.* Красный студент и политика пролетаризации высшей школы [Электронный ресурс] // НЛО. 2008. № 90. С. 45–61. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (дата обращения 23.05.2018).
24. *Жаба С.П.* Петроградское студенчество за свободную высшую школу: Доклад студента Петроградского университета, представленный Второму Съезду студенческих организаций. Paris: Русское изд-во J. Povolozki & Co, 1922. 24 с.

25. Марков А.Р. Легко ли быть студентом? Работы 1995–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 255 с.
26. Платова Е.Э., Пшенико К.А. Новое студенчество России: образ жизни: 20-е годы 20-го столетия. СПб.: СПбГТУ, 1999. 136 с.
27. Sorokin P. Leaves from Russian Diary. New York: Dutton, 1924. VI. 310 p.
28. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. [Б.и.], 1943. 818 с.
29. Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни [Электронный ресурс] // <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1377> (дата обращения 23.05.2018).
30. Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного коллоквиума. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 173–184.
31. Кравец А.С. Идеология науки [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/366/174/1217/12-Kravets.pdf> (дата обращения 23.05.2018).

References

---

1. Krivonozhenko AF. Some problems of the formation of Soviet high school: the experience of Petrograd University. *Vestnik KSU (Kostroma)*. 1961;5:51–5. (In Russ.)
2. Oskokov KV. Chemical faculties and departments of Russian universities in the first years of Soviet power. *Bulletin of MGOU. Series: History and Political Sciences*. 1986;2:82-99. (In Russ.)
3. Smirnova TM. The history of the development and implementation of the first statute of higher education. V: Eroshkin NP., editor. *State leadership of higher education in pre-revolutionary Russia and the USSR*: Collection of articles. Moscow: Tipografiya Glavarkhiva SSSR Publ.; 1979. p. 3-39. (In Russ.)
4. Chanbarisov ShH. Formation of the Soviet university system. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.; 1973. 472 p. (In Russ.)
5. Timiryazev KA. Science and democracy: Collection of articles: 1904–1901. М.: Publishing house of socio-economic literature, 1963. 500 p. (In Russ.)
6. David-Fox M. The Emergence of a 1920s Academic Order in Soviet Russia. *East / West Education*. 1997;2:106-42.
7. Fitzpatrick Sh. Professors and Soviet Power. V: Fitzpatrick Sh. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. New York: Cornell Univ. Press, 1992. XXI, 264 p. (Studies in Soviet history and society)
8. Lepeshinskij PN., Pozner VM. Reports made at the plenary meeting on August 28, 1918. The 1st All-Russian Congress on Education. Unified Labor School. М.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1918. 12 p. (In Russ.)

9. News of the All-Russian Central Executive Committee. Moscow. 1918 Apr. 11. (In Russ.)
10. News of the All-Russian Central Executive Committee. Moscow. 1918 May 14. (In Russ.)
11. State Archives of the Russian Federation (GARF). Fond 2306. Opis' 18. Delo 678. (In Russ.)
12. Russian State Historical Archiv (RGIA). Fond 733. Opis' 226. Delo 210. (In Russ.)
13. State Archives of the Russian Federation. Fond 2306. Opis' 3. Delo 242. (In Russ.)
14. Lunacharskii AV. Address made at the 1st All-Russian Congress on Education. V: *Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918*. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. p. 30-47. (In Russ.)
15. *Zalesskii AM*. Meeting on the reform of higher education in July 1918 in Moscow (Memoirs of the delegate). V: *Proceedings of the Kalinin Polytechnic Institute (Leningrad)*. Vol. 190. Leningrad, 1957. 146 p. (In Russ.)
16. *Pokrovskii MN*. Lenin and the higher school. Leningrad: GIZ Publ.; 1924. 10 p. (In Russ.)
17. Lenin VI. Speech at the 1-st All-Russian Congress on Education // Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. (In Russ.)
18. *Pokrovskii NM*. Speech at the 1st All-Russian Congress on Education // Minutes of the 1st All-Russian Congress on Education, convened by the Commissariat for Education in Moscow on August 25, 1918. M.: Otdel s'ezdov Narodnogo komissariata po Prosveshcheniyu Publ.; 1919. (In Russ.)
19. Sorokin PA. Long road. Moscow: Moskovskii rabochii; Terra, 1992. 303 p. (In Russ.)
20. State Archives of the Russian Federation. Fond 298. Opis' 2. Delo 1. (In Russ.)
21. Decree of the Council of People's Commissars on the rules of admission to higher educational institutions. V: *Sat. decrees and resolutions of the workers 'and peasants' government on public education*. Issue 1. M.: Gosizdat, 1921. S. 56-7. (In Russ.)
22. Zyornov VD. Notes of the Russian intelligentsia [Internet]. Moscow: Indrik Publ.; 2005 (data obrashcheniya 23.05.2018) URL: <http://e-libra.ru/read/366585-zapiski-russkogo-intelligententa.html> (In Russ.)
23. Dmitriev AN. Red student and politics of proletarianization of higher education. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Internet] 2008. (data obrashcheniya 23.05.2018) 90:45-61. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (In Russ.)
24. Zhaba SP. Petrograd students for a free high school. Report of the student at the Petrograd University, presented to the Second Congress of Student Corporations. Paris: Russian publishing house J. Povolozki & Co Publ.; 1922. 24 p. (In Russ.)
25. *Markov AR*. Is it easy to be a student? The works of 1995–2002. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2005. 255 p. (In Russ.)

26. Platova EE., Pshenko KA. New students of Russia: a way of life: 20ies of the 20th century. Sankt-Peterburg: SPbGTU Publ.; 1999. 136 p. (In Russ.)
27. Sorokin P. Leaves from Russian Diary. New York, Dutton Publ.; 1924. VI, 310 p.
28. Collection of legalizations and orders of the government for 1920. Management of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1943. 818 p. (In Russ.)
29. Rabinovich MB. Memories of a long life [Internet]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii dom Publ.; 1996 (data obrashcheniya 23.05.2018). URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1377> (In Russ.)
30. Finkel St. Organized Professor and University Reform in Soviet Russia (1918–1922). Power and Science, Scientists and Power. 1880s – the beginning of the 1920s: Materials of the International Scientific Colloquium. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ.; 2003. p. 173-84. (In Russ.)
31. Kravets AS. The ideology of science [Internet]. 1992 [data obrashcheniya 23.05.2018]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/366/174/1217/12-Kravets.pdf>

Информация об авторе

Вадим С. Парсамов, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, д. 20; vparsamov@hse.ru

Information about the author

Vadim S. Parsamov, Dr. in History, professor, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101100, Russia; vparsamov@hse.ru